

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 808.1

DOI: 10.17223/19986645/49/6

И.А. Айзикова

ОБРАЗ СИБИРСКОГО ПИСАТЕЛЯ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ Г.Н. ПОТАНИНА И Н.М. ЯДРИНЦЕВА (1870–1900-е гг.)¹

В статье анализируется образ сибирского писателя, созданный в трудах областников Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева 1870–1900-х гг., с помощью которого они производили переворот в сибирском и общерусском общественном сознании, в региональной и отечественной словесности, утверждая новый, региональный подход к пониманию литературы и писательского творчества. Выявляется одно из ярких и показательных воплощений концепции литературного творчества – сибирского автора как типа национального словесного творчества.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, областничество, сибирская литература, сибирский писатель, сибирский читатель, диалог с общерусскими моделями.

Интерес русской культуры к областничеству, в частности к освоению проблем литературного регионализма в литературной критике и публицистике Сибири, очевиден, что подтверждают и труды старших и младших современников Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева (А. Введенского, А. Дробыш-Дробышевского, В. Вагина, Д. Клеменца, а позднее Н. Чужака, В. Правдухина, В. Зазубрина и др.) и научные работы XX – начала XXI в. (прежде всего, М. Азадовского, В. Трушкина, Н. Яновского, Ю. Постнова, Л. Якимовой, Б.А. Чмыхало, В. Одинокова, Н. Серебренникова, А. Казаркина, К. Анисимова и др.²). Вместе с тем решение вопроса о статусе сибирской литературы и сибирского писателя в общерусской и сибирской культуре и литературе затянулось на многие десятилетия, в значительной мере осложняясь особенностями его постановки. Историко-культурное значение областников, особенно в 1870–1880-е гг., в советский период рассматривалось в рамках дискурса «сепаратизма» как особого явления сибирской культуры и литературы конца XIX – начала XX в. Однако само понятие «сибирская литература» до сих пор не отличается большой определенностью (см.: [1, 3, 4, 6, 9–13] и др.). То же самое, но в более острой форме можно утверждать в отношении сибирского писателя, в образе которого, как представляется, необходимо видеть не сумму некоторых признаков, устанавливаемых по аналогии или в противовес

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ и администрации Томской области (проект № 17-14-70006 (р), а также научного фонда им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета.

² Подробную историю изучения вопроса см.: [1–6], библиографию работ о Г.Н. Потанине см.: [7], о Н.М. Ядринцеве см.: [8].

традиционному образу писателя, в частности русского, а специфическое и в то же время типологическое явление русской и сибирской культуры, исторически сложившуюся систему, в рамках которой активно взаимодействуют понятия «автор», «литература», «читатель». Думается, важно осмыслить не областнические или общерусские модели региональной литературы, регионального автора и регионального читателя, довольно абстрактные, а трансформацию общепринятой семантики данных понятий в процессе их усвоения разными системами культуры: региональной и общерусской.

Названные проблемы, возникшие чуть ли не с самого начала исследования областничества, не потеряли актуальности до настоящего времени. Научный интерес сегодня представляют сибирские, в частности областнические, интерпретации литературы, писателя и читателя как системы, предлагаемой, особенно в 1870-е гг., в качестве специфической, самостоятельно существующей наряду с общерусской. Поскольку в дальнейшем каждый исторический период в России и в Сибири имел свои образы сибирской литературы, сибирского писателя и читателя, можно, помимо борьбы за и против понятий «сибирская словесность», «сибирский автор», «сибирский читатель», наблюдать стремление различно интерпретировать идеи предшественников в этих вопросах, в первую очередь родоначальников областничества Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева¹. Попытаемся заполнить существующий пробел в осмыслении указанной проблематики и в первую очередь обратимся к статье Г.Н. Потанина 1876 г. «Роман и рассказ в Сибири», которую исследователи справедливо считают программой областнической критики Сибири (см., например: [1. С. 42]).

Анализ образа сибирского писателя, созданного Потаниным, начнем с предварительного замечания о его стремлении во всех своих суждениях отталкиваться от мысли об «особом строении сибирского общества» [14. С. 18]. Особенность эта заключается, по мнению автора, в том, что в Сибири никогда не было дворянства – образованного слоя общества, что здесь общество состояло из крестьян, мещан и купцов, т.е. тех социальных слоев, которые в европейской России принято было считать низшими, необразованными. С другой стороны, та тонкая прослойка интеллигенции, которая существовала в Сибири, не являлась местной, прибыла в Сибирь из европейской части России, будучи возвращенной на Тургеневе и Гончарове, Толстом, Островском и т.д. Эта читательская аудитория также не испытывала «потребность в особенной местной беллетристике» [Там же. С. 30]. Автор статьи и себя относит к тем, кто «воспитывался на фигурах Рудина, Инсарова», которым он не видел впоследствии «ничего соответствующего Сибири», кто знал по литературе жизнь в столицах лучше, чем в Сибири. Акцентуация этой мысли не только окрашивает все рассуждения автора, но и организует их, отражая видение взаимозависимости процессов становления региональной литературы, местного авторского и читательского корпусов, сформировавшееся в сознании Потанина.

¹ Проблема эволюции взглядов сибирских мыслителей на природу и функции литературы и художника слова представляет собой предмет отдельного исследования и не входит в задачи данной статьи.

С этим связаны принципы отбора материала для конструирования в статье образа сибирского писателя, предполагающие его восприятие сквозь призму культурной специфики сибирского социума. Попутно отметим весьма любопытный факт: Потаниным нигде не подчеркивается национальная (например, русская) специфика сибирской литературы, сибирского автора и читателя. Их идентификация осуществляется исключительно через идеи своеобразия социально-исторического развития края, а также через соизмерение с идеей кровной неразрывной связи литературы, автора и читателя с Сибирью, с мыслью о высоком служении ее культурному и духовному росту, изменению ее устоявшегося образа как места ссылки и каторги, нетронутых земель и никем не используемых природных богатств, существовавшего в сознании большинства представителей Центральной России и всего мира. В связи с этим подчеркнем, что идентификация сибирского писателя через традиционные характеристики литератора как автора изящной словесности, художника слова, признанного писательским и читательским сообществом, литературной критикой, получающего материальное вознаграждение за свое творчество, входящего в профессиональные объединения, проводится по принципу «от противного» или вообще не проводится.

Вместе с тем образы местной словесности, авторского и читательского круга создаются Потаниным на основе культурных моделей, ценностных систем, свойственных его культурно-исторической эпохе. Так, например, в соответствии с эпохой объем понятия «сибирский писатель» включает в себя, кроме авторов художественной литературы, и деятелей журналистики, публицистики, литературной критики. Одним из самых популярных русских клише конца XIX в., поддержанным Потаниным, являются также образы литературы, ее творцов и реципиентов, сконструированные на идеях народничества: «...на сибирской почве может обильно развиваться тот род беллетристики, который посвящен описанию народного быта» [14. С. 19]. Потанин строит образ сибирского писателя на фундаментальной в народнической системе взглядов идее о сближении интеллигенции, в частности писательского корпуса, с народом в стремлении найти и сохранить свои корни, осознать свое место в мире, сформировать на этой основе самобытную молодую сибирскую литературу и молодой авторский и читательский корпусы, призванные сберечь и приумножить своеобычность края.

В статье «Роман и рассказ в Сибири» автор конструирует три типа писателя. Первый представлен личностью и творчеством И.В. Оммулевского. Позиция Потанина в отношении к нему и критерии его оценки как писателя очевидны. Это выбор материала: «эпизод из жизни одного молодого сибиряка», и авторская позиция в отношении главного героя: всеведение, которое, однако, не мешает читателю верить автору, справедливости его рассуждений и мнений, честности и верности его описаний.

При этом глубокое знание своего читателя, постоянная ориентация на него, на сознательное формирование его рецепции воспринимаемого произведения, того или иного героя и т.д. не только превозносятся Потаниным, но напрямую связываются с признанием творчества писателя (критик и сам ведет постоянный и активный диалог с читателем своей статьи). В связи с этим образ главного героя романа Оммулевского, как и биографический автор, с

которым он отождествляется, производят на Потанина крайне неприятное впечатление: «Автор, заставляющий своего героя, которого он вовсе не имел намерения изобразить в карикатуре, с высокомерием относиться к тому, что живет и думается под ушаковскими крышами, сам, очевидно, смотрит на ушаковский мир с теми же чувствами, какие вложил в своего Светлова, и, видимо, живет интересами какого-то другого отдаленного мира. Сибирский читатель чувствует, что роман писан не для него собственно», «первый сибирский беллетрист не чувствовал внутренней потребности попытаться написать роман для местной сибирской публики; он только позаимствовал из местной жизни несколько портретов, сцену действия и, может быть, некоторые эпизоды в фабуле, словом, воспользовался местной жизнью как материалом, вовсе не думая служить ей самой» [14. С. 25].

Образ И.А. Кушевского представляет второй тип писателя. Подобно Оммулевскому, он «взял эпизод из сибирской жизни», но «потом окружил его чертами несибирского быта», тем самым проявив, как и Оммулевский, «абсентеизм мысли». Оба автора, по мнению Потанина, избегают своего прямого писательского долга, поскольку «пишут не для сибирской публики, а для русской вообще» [Там же. С. 27]. Конечно, считает Потанин, есть «род произведений, которые, будучи написаны для обширного круга читателей, в то же время не лишены особенного интереса для той небольшой среды, из жизни которой заимствован материал для рассказа. Таковы, например, «очерки быта», но рассматриваемые в статье сочинения, считает Потанин, имеют другую цель – «изображение характера и деятельности некоторых представителей молодого поколения; подобные произведения только тогда могут иметь значение для отдельной местности, когда они, собственно, для нее пишутся» [Там же. С. 28]. Есть, по убеждению Потанина, и «власть автора», распространяемая, например, на «перетасовку событий и сцен», но и «ей всё-таки есть предел, и переход за него вреден произведению» [Там же. С. 29]. Свобода творчества писателя понимается Потаниным по-другому: она заключается в свободе «от могущественного давления общего потока русских умственных сил», в сознательном и свободном выборе «местных интересов» для своего творчества, что вполне может означать свободный отказ от «заманчивой славы писателя» и «обращение себя на скромную роль провинциального писателя». При этом «служение местному обществу» не должно осознаваться как «замыкание в узкий круг тривиальных идей» [Там же. С. 31], напротив, выполнение своего долга сибирский писатель должен и может осознавать как высочайшую миссию, необходимую не только Сибири и России, но и всему миру.

Отсутствие подобных убеждений у Оммулевского и Кушевского не могло, по мнению Потанина, не отразиться на качестве анализируемых им сочинений. Например, «г. Оммулевский рисует юного сибиряка; но он не желал показать, в чем заключаются обязанности сибирского юноши, которому посчастливилось получить университетское образование; он хотел просто изобразить идеального представителя молодого поколения» [Там же. С. 28]. Причины авторских неудач носят, по Потанину, системный характер: Оммулевский и Кушевский и стоящие за ними типы писателя не учитывают условий сибирской общественной жизни, не ставят своей задачей формирование сибирско-

го читателя и оставляют свои сочинения без читателя вообще, нанося непоправимый вред и своему таланту.

Мысль об утрате таланта как оборотной стороны отрыва в своем творчестве от «местных интересов» (а «разлука с родиной» вообще «губительно действует на писателей», утверждает Потанин, имея в виду прежде всего региональных авторов [14. С. 39]) продолжена в размышлениях о Н.И. Наумове, представляющем в статье третий тип сибирского писателя. Основой дара Наумова, позволяющего назвать его истинным сибирским писателем, кроме прочего, критик считает внимание к «простонародному быту», «верное изображение крестьянской жизни» [Там же. С. 33], дорогу к которому, замечает критик, проложили сибирским авторам писатели Европейской России, в первую очередь Г.И. Успенский. Характерны в связи с этим такие постоянные характеристики Наумова в статье Потанина: «замечательный по близости» к народному («к подлиннику») язык рассказов писателя, «правдивость и добросовестность» в изображении героев-типов, критический и публицистический пафос автора в отношении социальных проблем, абсолютное и широкое местное читательское признание: «все сибиряки, от гимназиста до дряхлого седого старика прочли давно эти прекрасные рассказы» [Там же]. Именно «рассказами Наумова начинается сибирская беллетристика» [Там же. С. 38], считает Потанин, горячо приветствующий это начало¹.

Наиболее полная и глубокая характеристика образа сибирского автора представлена в публикациях Н.М. Ядринцева 1870-х гг., на которых мы остановимся подробнее. Так, в статье «Судьбы сибирской печати» 1875 г., демонстрирующей, по мнению исследователей, особую ступень в осмыслении литературного процесса Сибири [3. С. 49], Ядринцев, как и Потанин, отталкивается от мысли о своеобразии общественной жизни Сибири, где еще нет «массы лиц, интересующихся печатным словом», где «общественные интересы еще не сложились», «читающая публика редка» [15. С. 76, 77]. Сибирский читатель – это прежде всего чиновник, интересующийся жизнью России или читающий для развлечения, другими словами, сибирскому писателю приходится одновременно создавать и читателя, и литературу. В этом смысле, считает Ядринцев, «сибирский писатель разделит общую судьбу сибирской интеллигенции», весьма трудно закрепляясь на сибирской почве, которая «способствовала только выезду лучших сил в другие, более благоприятные для их развития места», «люди, пишущие о Сибири, также искали себе другой почвы... Очень немногие из сибиряков занимались на месте литературными работами», и при этом «Сибирь выделяла немало писателей для русской литературы» [Там же. С. 77–78]. Важнейшим препятствием для становления местного авторского корпуса Ядринцев называет неразвитость или даже отсутствие в ряде населенных пунктов сибирской местной печати.

В статье обсуждается и вопрос о том, может ли столичный писатель «удовлетворять местные нужды», может ли автор, «живя вдали, иметь верное понятие о положении края и разрабатывать его местные вопросы» [Там же.

¹ Целый ряд статей о сибирских писателях, как известно, был написан Потаниным в 1900–1910-е гг., они не вошли в наше исследование, ограниченное другими временными рамками, и заслуживают специального внимания.

С. 78]. Ответ для Ядринцева очевиден – только местный писатель может дать правдивую, достоверную, детальную картину жизни Сибири и сибиряка, тонко ощущая их «неуловимое» на расстоянии развитие. Только влюбленный в Сибирь и ее жителей сибирский писатель способен отвечать на местные вопросы, осознавая их государственное и общечеловеческое значение. Наконец, только местный автор, живущий одной жизнью со своим краем, «трепещущий его пульсом, разделяющий его горе и радости» [15. С. 79], отдающий сознательное предпочтение местным вопросам перед общими, может способствовать его продвижению вперед.

Ближайшую задачу местного авторского корпуса Ядринцев видит в приучении «публики к печати», в воспитании культуры чтения среди «людей полуграмотных и общества с бедными вкусами» (в связи с этим деятельность и творчество сибирского писателя сравниваются со «скромной народной школой» [Там же. С. 80]), а с другой стороны, в обретении сибирской литературой своего языка, своего «слова», своего предмета изображения. Этот универсализм и культурное «миссионерство» сибирского писателя (и сибирского издателя, в роли которого сибирские писатели также нередко выступали) позволяют Ядринцеву сравнить его с «простым сельским работником, который один кроет крышу сельской церкви, кладет печи, красит крышу, рубит ступени, так же как пишет образа и водружает крест, да, пожалуй, один же и молится в ней» [Там же].

Чрезвычайно высоко Ядринцевым ценится автор, обращающийся в своем творчестве к «жизни беднейших классов нашего народа», к «исследованию быта простого народа», к «точному воспроизведению действительности», что не было, по мнению критика, «ни случайностью, ни модой... а только естественным последствием исторического и органического развития нашей литературы» [16. С. 33, 34, 37]. На этом основании в статье 1872 г. «Преступники по изображению романтической и натуральной школы» Ядринцев противопоставляет писателей русской романтической и натуральной школы. Задачей современного и в первую очередь сибирского писателя, по Ядринцеву, является «верное изображение жизни, исследование действительных фактов, изыскание их последовательной связи в силу законов причинности», сведение «объяснения человеческой деятельности... к определению внутренних факторов, лежащих в общих свойствах человеческой природы и обусловленных естественно-физическим и нравственным строением человека» [Там же. С. 38]. Талант истинного писателя критик измеряет его способностью открывать «внутреннюю сторону человека и тайны его духа», а также гуманностью, уважением к человеческому достоинству и деликатным обхождением с больным человеческим сердцем» [Там же. С. 44, 48]. Наконец, особой чертой настоящего писателя Ядринцев называет ответственность за каждое слово, обращенное к читателю, и в этом критик не разделяет писателя русского и сибирского.

Главными недостатками писателя называются «односторонность», «произвол», с которыми утрируется «одна какая-либо черта человеческого характера и одна какая-либо страсть», нагнетается «искусственная комбинация обстоятельств» [Там же. С. 44], что служит распространению ложных и недобросовестных взглядов на человека, его природу и жизнь в обществе

(16. С. 39). Характерно, что в пример приводится С.В. Максимов, который в своем труде «Сибирь и каторга» «вместо объективного объяснения факта со всеми его причинами и следствиями... описывал только свои субъективные ощущения, причем увлекался то одной, то другой стороной дела, смотря по тому, которую рисовал и которая поражала его более» [Там же. С. 43].

Любопытно изучить применение Ядринцевым названных критериев настоящего писателя в статьях, посвященных сибирским авторам. Обратимся к публикациям об И.А. Кушевском, И.В. Федорове-Омулевском и Н.И. Наумове, которым была посвящена и рассмотренная нами выше статья Потанина. Некролог Ядринцева о Кушевском (1876 г.) строится на двух идеях. Первая сводится к тому, что фундамент литературного таланта сибирского писателя был заложен в Сибири, в частности в Томской гимназии, которая «жила... литературной традицией и способствовала воспитанию не одного писателя», в которой еще в 1850-х гг. «воспитанники, наклонные к чтению, составили кружок и развивали в себе страсть к литературе», а в 1860-е гг. начали организовывать литературные вечера, «где читались лучшие произведения» [Там же. С. 56]. Литературный путь Кушевского начался в Петербурге с романа, написанного на сибирском материале. С этим связана вторая мысль статьи: талант молодого сибиряка был загублен в Петербурге, где писатель из-за денег вынужден был оставить настоящее творчество (его первый роман, «ощипанный капризной редакторской рукой столичного литературного олимпийца», оказался последним) и обратиться к «спешному труду», где в поисках работы на литературном рынке он был поглощен этим рынком. Поддерживая Потанина, Ядринцев, как видим, также открыто выступает против «ярых централистов», утверждавших, что в «столичной литературе деятельность шире, лучше и выгоднее для литератора, который сумеет устроиться» [Там же. С. 57]. Но настоящий талант Кушевского, как и у многих его собратьев направленный на служение искусству, обществу, не позволил ему «устроиться», т.е. писать исключительно ради материального благосостояния.

Статья об И.В. Федорове-Омулевском, написанная спустя три года после смерти писателя (опубликована в 1887 г. в составе «Сибирского сборника 1886 г.»), строится по той же модели – на противопоставлении двух топосов: Сибирь и Петербург, определявших течение жизни и развитие творчества сибирского писателя. Если Сибирь (Петропавловск, а потом Иркутск) была счастливым этапом «в умственном росте будущего поэта», «вложила в него ту горячую патриотическую любовь к родине, которая всю жизнь потом составляла основную черту в характере Омулевского», то Петербург и скитания по России, хотя и дали поэту «массу новых впечатлений, определили дорогу и направление поэта, взрастили в нем те идеалы, которые так ярко выражены самим им» в герое романа «Шаг за шагом» [Там же. С. 115], всё же заполнены были поиском недостающих средств, «спешной работой в массе журналов, придирками и самодурством редакторов, закулисной мелочностью редакций», болезнью глаз, ужасающей бедностью и «вследствие этого страстью к водке, обратившейся в запой». Все это, пишет Ядринцев, сгубило и сломило сибирского писателя, искавшего себе место в столице, «обратило его жизнь в цепь страданий и горя» [Там же. С. 116].

Единственное, что поддерживало талант Омулевского, это «глубокая лю-

бовь к Сибири и горячее отношение к ее интересам и недугам», умноженные в столице взглядами «общественного бойца-шестидесятника». Постоянной целью и мечтой сибирского поэта было «сделаться певцом» малой родины, чему, кроме столичной суеты, помешало и отставание (вплоть до отсутствия) сибирской журналистики от столичной. И так, по убеждению Ядринцева, оторванность от Сибири, столичная «спешная работа» из-за нищеты послужили причиной появления у Омуревского «многих недоделанных, непрочувствованных и вследствие этого иногда крайне тенденциозных произведений», которым противопоставлено творчество, пронизанное сибирскими темами и мотивами – в них «могучая талантливость, глубина чувства» [16. С. 116].

Статья Ядринцева «Н.И. Наумов» 1892 г. посвящена тридцатилетию литературной деятельности сибирского писателя. В ней вновь звучит мысль о Сибири, в частности Томске, как плодородной почве, взрастившей его талант. И вновь описывается, в противопоставление Сибири, Петербург, куда молодой Наумов поехал служить «назначению литератора», где он написал свои первые очерки, тяготевшие «к среде народа и крестьянства», где он впервые опубликовался и ощутил себя писателем. «Это было торжество, – вспоминает Ядринцев, – это был праздник... Довольные, веселые, оживленные, мы сидели в его бедной квартире, а он торжествовал как именинник. С каким благоговением перелистывались свеженькие странички журнала с его статьей...» [Там же. С. 126].

Но далее, как это было и с Кушевским, и с Омуревским, для Наумова «начался поденный труд, труд нужды, труд для хлеба», который заставил его вернуться в Сибирь, где «перед народным писателем развернулся еще шире мир обойденного крестьянства в захолустной местности со всею глубиной его несчастья» [Там же]. Повторяя судьбу Омуревского, Наумов вновь уезжает в северную столицу и вновь возвращается в Томск, теряя в этих метаниях «восторженность краснощекого юноши» и превращаясь в настоящего «измученного жизнью» сибирского «народного писателя». Его имя приобретает популярность у читателей, «он находит настоящую оценку» у критиков, «но “лавры” не облегчили его жизнь», подбрасывающую наблюдательному писателю всё новые проблемы сибирского крестьянства, сибирских переселенцев, которым и было посвящено все творчество писателя, «добродушное, с тонким юмором и изредка горьким смехом» [Там же. С. 127].

Обратим внимание на то, что Ядринцев пытается осознать сибирские корни современного ему местного авторского корпуса. В статье «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири» (1885 г.), отрицая значение столичных поэтов, воспевавших Сибирь, не зная ее, не вдохновляясь ею, создававших ее ложный образ «хлебосольной особы, которая, наклонившись над столами, предлагала всевозможные яства и рыбы на серебре и золоте», восхвалявших Ермака, образ которого использовался «как предлог для высокопарных стихов» [Там же. С. 82], критик называет имя П.А. Словцова как первого истинно сибирского писателя, поскольку именно у него «прорывалось первое теплое чувство к краю», ему первому стала понятна судьба Сибири и он был первым, у кого рядом с этим «блеснула художественная струя». По самому «способу изложения» видно, «что это был человек с душой, патриот своей родины и до известной степени поэт, художник». Труд Словцова по

истории Сибири оценивается Ядринцевым очень высоко по следующим критериям: «Страницы этой истории переполнены лирических обращений, грустных дум, затаенных надежд. Несмотря на тяжелый язык, на свойственную тому времени книжную риторичность и вычурность выражений, трудно не заметить в историке художественного чутья и действительного вдохновения» [16. С. 83]. Всё это – излюбленные областнические идеи Ядринцева и Потанина 1870–1890-х гг., используемые в конструировании образа сибирского писателя.

Так, в «Крымских письмах сибиряка» (1876) Потанин тоже характеризует Словцова как «первого любителя Сибири», писавшего «с целью возбудить самосознание края, возбудить в своих земляках любовь к родине» [17. С. 213, 214]. В укор Словцову, правда, ставилось то, что «его патриотическая мысль не могла нащупать ядро сибирского общества, ему хотелось поклониться чему-нибудь грандиозному в Сибири, и он ничего не нашел, кроме природы», которую он, «смешно», по выражению Потанина, сравнивал с южным Крымом или Италией, «такие же натяжки Словцов делал и относительно людей» [Там же. С. 213, 214]. Позднее, в работе «Областническая тенденция в Сибири» (1907 г.), Потанин вновь называет Словцова «первым сибирским патриотом», книга которого «Историческое обозрение Сибири» «была написана в сознании необходимости дать землякам чтение, которое бы привлекало их внимание к своей родине. Поэтому образованные сибиряки смотрели на составление этой книги как на патриотический подвиг» [18. С. 1]. Чтение этой книги, по мнению Потанина, выполняло свою главную функцию – «воспитывало в сибиряках интерес» к Сибири. Снимая ранние замечания к Словцову, Потанин главной его характеристикой называет воодушевление любовью к просвещению, науке и «к той части империи, которая была его родиной» [Там же. С. 2].

Интересные черты в потанинский образ сибирского писателя вносят его оценки личности и творчества П.П. Ершова. В упомянутых выше «Крымских письмах сибиряка» его портрет описан в сослагательном наклонении. По мнению Потанина, Ершов – «личность чистая, бескорыстная; лучшее достоинство его была, конечно, та любовь к своему краю, которая его никогда не покидала» [17. С. 208]. Но этого оказалось недостаточно, чтобы вырасти в настоящего сибирского писателя. Он мог бы сделать для Сибири много, но его сдерживали «литературные приемы времени», излишняя восторженность, оторванность от реальности (горячо любимая Ершовым Сибирь не покорила его способностям, будучи «северной красавицей», «которая, однако же, была холодной, грязной и грубой красавицей, колотившей своего любовника кулаком» и в то же время столь величественной, что «не с силами Ершова» было браться за ее изображение в искусстве [Там же. С. 210]), наконец, неуверенность в том, что Сибирь – это единственный объект его творчества («...как редко Ершов сознавался в своей любви к своей родине в своих печатных произведениях! Если б он, уже известный повсюду автор “Конька-Горбунка”, только два, три раза заикнулся об этой тайне, это признание честного человека уже имело бы для его края большое значение. <...> Но Ершов всю жизнь промолчал. Если он писал о родине, он тщательно утаивал имя этой родины; описывая свою любовь к Сибири, он старается не заикнуться об

ее имени: назвав стихотворение “Сибирскими вечерами”... он переименовывает вечера в “Осенние”» [17. С. 211]).

В вышеназванной статье Ядринцева о судьбе сибирской поэзии Ершов определен «настоящим поэтом», с юности грезившим «красотами сибирской природы» и желанием помочь «бедствующим сибирским племенам» [18. С. 84]. И хотя Ершову, как и многим начинающим сибирским авторам, не удавалось выразить в своем творчестве гражданские идеи и исторические темы (в силу неразработанности поэтического языка у них возникала «деланная поэзия» и «представление о Сибири в стихах... являлось неудачным»), он явился первым сибирским поэтом, овладевшим пушкинским «новым стихом», продемонстрированным в «Сказке о Коньке-Горбунке».

В «Областнической тенденции в Сибири» Потанин также смягчил свою интерпретацию Ершова как сибирского писателя, характеризуя его теми же чертами, что и Ядринцев, и ставя его в ряд с А.А. Мордвиновым. Оба для Потанина, прежде всего, манифестанты сибирского патриотизма, горячо переживающие за свой край, готовые служить его интересам. В этом плане особенно выделяется Ершов, с юношества строивший «самые необузданные фантазии о своей будущей деятельности во благо Сибири; он надеялся совершить грандиозные подвиги и в литературе, и в общественной жизни, он давал себе слово положить начало сибирской литературе, пробудить жизнь в спящей стране, создать сибирскую интеллигенцию, вызвать духовную жизнь в Сибири» [Там же. С. 5]. Как видим, Потанин рисует образ сибирского писателя-гражданина, общественного деятеля, имеющего широкую программу и далеко идущие цели творчества. Много позднее эту мысль сформулирует Е. Евтушенко в отношении русского писателя: «Поэт в России – больше, чем поэт».

Вместе с тем причину несвершившихся планов Ершова критик по-прежнему видит в их оторванности от реальной действительности Сибири, ее реальных нужд, которыми только и можно было привлечь сибирскую читающую публику. И это могла совершить, полагает Потанин, «только проза публициста» [Там же. С. 6]. Настоящее начало сибирскому авторскому корпусу было положено, считает Потанин, только в 1860-е гг., когда молодые сибиряки, усвоившие «новые тенденции столичной литературы, вернулись на родину лучше подготовленными к общественной деятельности», да и идеи, которые они приехали развивать, «уже носились в сибирском воздухе» [Там же. С. 7]. И далее Потаниным последовательно перечисляются имена Н.С. Шукина, С.С. Шашкова и Н.М. Ядринцева, в Сибири нашедшего «героя» своей публицистики: сибирского крестьянина, ссыльного, «бродягу с котомкой и туеском» и заявившего о себе как о «после Сибири к русскому обществу, отправленном не ученые споры вести, а заявить о желании сибирских жителей» [Там же. С. 24].

Образ Ядринцева Потанин описывает через фигуру «командира, который вел свое судно, стоя на вахтенном мостике», который открыто «позировал перед своей аудиторией во весь свой рост; он делился с аудиторией своими печальями, своими радостями и своим негодованием». Не менее выразительно сравнение Ядринцева с Персивалем, «везущим своей родине будущее», создающим свое исключительное положение и гордящимся этим. Высшей оцен-

ки Потанина сибирский публицист Ядринцев удостаивается за то, что «для него не существовало других интересов, кроме интересов Сибири; он жил только для Сибири и приносил себя в жертву ее интересам целиком. Он так был неотделим от Сибири, так сращен с нею всеми своими фибрами», как сын с матерью [18. С. 33]. Перед нами, как видим, и полный образ сибирского писателя, каким его представлял себе Потанин, и широкая программа становления сибирского авторского корпуса.

Возвращаясь к статье Ядринцева об истории сибирской литературы и о становлении сибирского авторского корпуса, отметим, что критик называет еще несколько забытых сегодня имен сибирских поэтов 1820–1840-х гг., складывающихся в общий портрет начинающего сибирского автора и начинающейся сибирской литературы. Предмет вдохновения сибирского писателя, во многом остающегося начинающим автором и в 1850–1890-е гг., – сибирская природа, которую он пытается рисовать с любовью и восторгом, используя местный колорит. Область его интересов – местные проблемы, известные ему по собственному опыту: жизнь местных крестьян и горожан, «инородцев», темы переселения, ссылки и каторги, выражение «изгнаннических чувств» и тоски (в лирике сибирскому поэту не поможет «ни одна счастливая тема, не поможет сентиментальность, красивая фраза и риторика» [16. С. 91]), а с другой стороны, его характеризует откровенное ученичество, подражание поэтам золотого века русской поэзии, прежде всего Пушкину, Баратынскому, Лермонтову.

Сибирский писатель, стоящий у истоков сибирской словесности, пишет от души о том, что лично трогает его, а не о том, что популярно и востребовано на данный момент массовой читательской аудиторией. Он не замахивается на эпические полотна, а пишет о том, что видит вокруг, здесь и сейчас, и видит гораздо больше, глубже, детальнее и целостнее, чем любой приезжий маститый романист. Он самим местом рождения и воспитания подготовлен к тому, чтобы писать о Сибири, не используя штампов и клише, с первого раза попадая в самую актуальную проблематику художественной литературы. При этом он не рассчитывает на богатство и славу, получая удовлетворение от самого процесса творчества, посвященного служению Сибири.

Однако становиться настоящим большим писателем местному автору, кроме прочего, считает Ядринцев, как правило, мешали отсутствие художественного мастерства, художественной школы сибирской литературы, находившейся в стадии становления, малая востребованность глубоких общественно-исторических и философских тем сибирским читателем, также не имеющим для этого достаточного образования, воспитания, социальных традиций. Всё это, в свою очередь, объясняется отсутствием благоприятной литературной и шире – социокультурной среды для литературного творчества, в частности неимением журналистики, литературной критики, института литературных редакторов в Сибири, читателя, обладающего высокой культурой чувства и чтения (чувство сибиряка «запрятано, покрыто какой-то корой, которую надо пробить и растопить», пишет критик [Там же. С. 92]). Отношения сибирского писателя с Сибирью, по убеждению Ядринцева, складывались отнюдь не идиллично. Процесс его взаимодействия со средой, которая его сформировала и которую он перерос, чаще всего, был драматичен. Но при

этом у сибирского писателя изначально были ответы на главные вопросы начинающего автора: о чем, зачем и для кого писать?

Важнейшей составляющей образа сибирского писателя, созданного Ядринцевым, является взгляд автора-сибиряка на свои задачи и понимание сути литературного произведения, что тесно связывается критиком с его жанровыми предпочтениями. В статье 1886 г. «Нравы далеких окраин и бойкие романисты» Ядринцев задается вопросом о том, почему талантливые сибирские писатели работают с малыми эпическими жанрами и обходят стороной романы, за написание которых смело берутся авторы, ни разу не бывавшие в Сибири, не знающие этого края и его жителей. В связи с этим он набрасывает портрет «бойкого заезжего романиста», во всем противостоящего образу истинного, хотя и начинающего сибирского писателя. К «заезжим романистам» отнесены Л.П. Блюммер, В.В. Романов, Д. Ольшанин и др., к сочинениям которых о Сибири неприменима мерка художественности, так как их авторы работают с шаблонными сюжетами, героями, речевыми оборотами, создавая ложный образ Сибири и сибиряка. Такие «романы» названы Ядринцевым наскоро набросанными и не оставляющими никакого впечатления «фельтовыми картинками» о Сибири и о ее жизни, ибо их авторы сводят понимание литературного творчества, в том числе изображения сибирского колорита в художественном произведении, к законам массовой низкопробной литературы.

Как видим, поддерживая ряд черт сложившегося в XIX в. общепринятого имиджа писателя, Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев не соглашались с целым кругом общепринятых характеристик литератора, создавая образ сибирского автора, в котором взаимодействуют областническая, сепаратистская и общерусская концепции, подчеркивается мысль об их диалоге. Обобщая сказанное, подчеркнем также, что в образе сибирского писателя, созданном родоначальниками областничества, преломилось главное открытие регионализма, с одной стороны, и народничества – с другой, пришедшее к сибирскому и общероссийскому читателю во многом благодаря Потанину и Ядринцеву, – это открытие писателя-сибиряка, вдохновляемого народными интересами Сибири. Не идеализируя его, критики между тем высоко оценивают его деятельность и не допускают в своих публикациях развенчания этой фигуры и в ее лице – идеологии областничества и возникших в дальнейшем на ее почве философско-эстетических концепций региональной литературы и регионального писателя. Наконец отметим, что стремление понять суть писательского труда, его цель и задачи, их специфику в отношении сибирского автора, пришедшее к Потанину и Ядринцеву в полном объеме в 1870–1900-е гг. в связи с областнической программой развития Сибири, органично дополняется интересом к образам сибирского читателя и сибирской словесности в метатекстовом пространстве их литературно-критических и публицистических выступлений.

Литература

1. Чмыхало Б.А. Литературно-критическая борьба в сибирских изданиях начала XX в. Красноярск, 1987.

2. Якимова Л.П. Проблема литературного регионализма в освоении литературной критики в Сибири // Литературная критика в Сибири. Новосибирск, 1988.
3. История русской литературной критики Сибири. Новосибирск: Проспект, 1989.
4. Чмыхало Б.А. Литературный регионализм. Красноярск, 1990.
5. Сибирское областничество: биобиблиогр. справ. Томск; Москва, 2002.
6. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004.
7. Труды Г.Н. Потанина. О Г.Н. Потанине. URL: [<http://kraeved.lib.tomsk.ru/files2/962>] (дата обращения: 07.08.2017).
8. Труды Н.М. Ядринцева. О Н.М. Ядринцеве. URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/files2/968> (дата обращения: 07.08.2017).
9. Чмыхало Б.А. Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин как теоретики «сибирской литературы» в 70-е гг. XIX в. // Развитие литературно-критической мысли в Сибири. Новосибирск, 1986. С. 57–74.
10. Яновский Н.Н. Марк Константинович Азадовский // Развитие литературно-критической мысли в Сибири. Новосибирск, 1986. С. 75–104.
11. Одинокое В.Г. В.Г. Белинский и проблема региональных литератур // Очерки литературной критики Сибири. Новосибирск, 1987. С. 7–18.
12. Одинокое В.Г. Литературный регионализм и культурная целостность // Сибирь: Литература. Критика. Журналистика. Новосибирск, 2002. С. 21–29.
13. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX в.: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005.
14. Потанин Г.Н. Избранное. Томск, 2014.
15. Ядринцев Н.М. Сборник избранных статей. Красноярск, 1919.
16. Литературное наследие Сибири. Т. 5: Н.М. Ядринцев. Новосибирск, 1980.
17. Потанин Г.Н. Избранные сочинения: в 3 т. Павлодар, 2005. Т. 2.
18. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907.

THE IMAGE OF A SIBERIAN WRITER IN LITERARY CRITICISM AND JOURNALISM OF G.N. POTANIN AND N.M. YADRINTSEV (THE 1870S–1900S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 49. 83–97. DOI: 10.17223/19986645/49/6

Irina A. Ayzikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: G.N. Potanin, N.M. Yadrinzev, regionalism, Siberian literature, Siberian writer, Siberian reader, dialogue with Russian models.

The article analyzes the image of a Siberian writer created in the works of G.N. Potanin and N.M. Yadrinzev, with which they made a revolution in the Siberian and all-Russian public consciousness, in regional and national literature, introducing a new regional approach to understanding literature and literary creativity. The study is carried out on the material of literary-critical articles by G.N. Potanin and N.M. Yadrinzev of the 1870s–1900s. The author considers the evidence of Potanin's and Yadrinzev's modeling of the image of a regional, Siberian, writer objectified in their literary-critical texts, describes one of the brightest and most illustrative representations of the concept of literary creativity, in particular, of a Siberian author as a type of national literary creativity. Potanin and Yadrinzev build their own unique image of a Siberian writer at the intersection of the "image" of masters of literary art generally accepted in Russia, and its Siberian interpretation through the prism of their own philosophical and artistic aspirations and searches of Russian literature and culture in the late 19th – early 20th centuries.

Supporting a number of features of the image of a writer common in the nineteenth century, G.N. Potanin and N.M. Yadrinzev agree with a range of generally accepted characteristics of a writer, creating the image of a Siberian author, which includes the interaction of regional, all-Russian and

separatist concepts; the idea of their dialogue is emphasized. The article also stresses that the image of a Siberian writer created by the pioneers of regionalism refracted the main discovery of regionalism, on the one hand, and populism, on the other. The discovery came to the Siberian and all-Russian reader largely thanks to Potanin and Yadrintsev; it was the discovery of a Siberian writer inspired by people's interests in Siberia. Without idealizing this writer, the critics highly appreciate their activities and in their publications do not allow discrediting them, the ideology of regionalism and the philosophical and aesthetic concepts of regional literature and regional writer that would later appear on its basis. Finally, it is noted that the desire to understand the essence of a writer's works, their purpose and objectives, their specificity in relation to a Siberian author, which came to Potanin and Yadrintsev in full in the 1870s–1900s in connection with the regional program of development of Siberia, goes along with the interest in images of a Siberian reader and Siberian literature in the metatextual space of their literary-critical and journalistic texts.

References

1. Chmykhalo, B.A. (1987) *Literaturno-kriticheskaya bor'ba v sibirskikh izdaniyakh nachala XX v.* [Literary-critical struggle in the Siberian editions of the beginning of the 20th century]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Pedagogical Institute.
2. Yakimova, L.P. (1988) Problema literaturnogo regionalizma v osvoenii literaturnoy kritiki v Sibiri [The problem of literary regionalism in mastering literary criticism in Siberia]. In: Yakimova, L.P. (ed.) *Literaturnaya kritika v Sibiri* [Literary criticism in Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
3. Yakimova, L.P. (ed.) (1988) *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki Sibiri: prospekt* [History of Russian literary criticism of Siberia: catalog]. Novosibirsk: Nauka.
4. Chmykhalo, B.A. (1990) *Literaturnyy regionalizm* [Literary regionalism]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Pedagogical Institute.
5. Isakov, S.A. & Dmitrienko, N.M. (eds) (2002) *Sibirskoe oblastnichestvo: biobibliograficheskiy spravochnik* [Siberian regionalism: biobibliographical reference book]. Tomsk; Moscow: Vodoley.
6. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the formation of regional literature]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Zemlya Tomskaya. (n.d.) *O G.N. Potanine* [About G.N. Potanin]. [Online] Available from: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/21/>. (Accessed: 07.08.2017).
8. Zemlya Tomskaya. (n.d.) *O N.M. Yadrintseve* [About N.M. Yadrintsev]. [Online] Available from: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/23/>. (Accessed: 07.08.2017).
9. Chmykhalo, B.A. (1986) N.M. Yadrintsev i G.N. Potanin kak teoretiki "sibirskoy literatury" v 70-e gg. XIX v. [N.M. Yadrintsev and G.N. Potanin as theorists of "Siberian literature" in the 1870s]. In: Yakimova, L.P. (ed.) *Razvitie literaturno-kriticheskoy mysli v Sibiri* [Development of literary critical thought in Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
10. Yanovskiy, N.N. (1986) Mark Konstantinovich Azadovskiy In: Yakimova, L.P. (ed.) *Razvitie literaturno-kriticheskoy mysli v Sibiri* [Development of literary critical thought in Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
11. Odinkov, V.G. (1987) V.G. Belinskiy i problema regional'nykh literatur [V.G. Belinsky and the problem of regional literatures]. In: Yakimova, L.P. (ed.) *Ocherki literaturnoy kritiki Sibiri* [Essays on literary criticism of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
12. Odinkov, V.G. (2002) Literaturnyy regionalizm i kul'turnaya tselostnost' [Literary regionalism and cultural integrity]. In: Yakimova, L.P. (ed.) *Sibir'. Literatura. Kritika. Zhurnalistsika* [Siberia. Literature. Criticism. Journalism]. Novosibirsk: SB RAS.
13. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vv.: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of the literature of Siberia in the 19th – early 20th centuries: features of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk: Tomsk State University.

14. Potanin, G.N. (2014) *Izbrannoe* [Selected works]. Tomsk: Tomskaya poligraficheskaya kompaniya.
15. Yadrinsev, N.M. (1919) *Sbornik izbrannykh statey* [Collection of selected articles]. Krasnoyarsk: Soyuz oblastnikov-avtonomistov.
16. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1980) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
17. Potanin, G.N. (2005) *Izbrannye sochineniya. V 3 t.* [Selected works. In 3 volumes]. Vol. 2. Pavlodar: EKO.
18. Potanin, G.N. (1907) *Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri* [Regionalist tendency in Siberia]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela.